

УДК 398+800:82
ББК 82.Р89

**Н.А. Красовская,
Ю.А. Бортулева**

ТУЛЬСКИЙ ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР: ЖАНРОВО- СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ*

Анализируются произведения тульского фольклора, записанные в западной части Тульской области, с точки зрения их жанрово-стилистических и языковых особенностей. Актуальность исследования связана с тем, что тульский песенный фольклор изучен недостаточно, языковые черты указанных произведений не подвергались серьезному анализу. В то же время не создана типология тульских говоров. В статье приводятся многочисленные примеры отражения в текстах песен диалектных особенностей фонетического, грамматического, лексического уровней.

Ключевые слова: фольклор, песня, тульские говоры, диалектные особенности.

DOI: 10.18522/1995-0640-2016-2-147-154

Красовская Нелли Александровна – докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы факультета русской филологии и документоведения Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
Тел.: 8-960-593-03-05,
E-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru

Бортулева Юлия Анатольевна – преподаватель, заведующая предметно-цикловой комиссией «Сольное и хоровое народное пение» Тульского колледжа искусств им. А.С. Даргомыжского
Тел.: 8-909-260-44-45
E-mail: bortuleva@bk.ru

© Красовская Н.А.,
Бортулева Ю.А., 2016.

Тульский фольклор по-прежнему остается белым пятном на лингвистической и культурологической карте нашей страны. На сегодняшний день не создана полная картотека лексических единиц, встречающихся в произведениях тульского песенного фольклора, не исследованы проявления фонетических, грамматических диалектных черт, не до конца изучено его жанрово-стилистическое своеобразие. По нашему мнению, фольклорные тексты способны стать интересными иллюстрациями в лексикографических изданиях [Красовская, с. 71 – 82]. Произведения фольклора, как нам представляется, могут в определенной степени помочь в решении вопроса о внутренней типологии тульских говоров. Всё вышесказанное позволяет считать, что данная работа весьма актуальна и своевременна.

Целью данной работы является анализ языкового и жанрово-стилистического своеобразия тульского песенного фольклора.

Исследуемый песенный материал был записан в ходе фольклорно-этнографической экспедиции в деревне Кураково Белёвского района Тульской области. Эта территория является пограничной с тульской группой говоров, она входит в состав курско-орловских говоров и является недостаточно изученной. Целью поездки была встреча с аутентичными исполнителями, запись песенного и поэтического материала, наблюдение за динамикой развития местной фольклорной традиции.

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ: 16-04-18002 (е).

В связи с тем что в этой деревне издавна бытуют очень устойчивые песенные традиции, в ходе собирательской работы нами были записаны песенные жанры, относящиеся к различным временным пластам, начиная от древнейших гадальных напевов («Я по чашке хлыщу») и песен свадебного обряда («Да в воскресный день рано», «Кукушка-рябушка») до городских романсов («На горе высокой») и баллад военной тематики («Колосилась в поле рожь густая»).

Жанровая система любого региона тесно связана с историческими событиями, происходившими на данной территории, а также напрямую зависит от состава населения и его миграции. Так и жанровый состав песенного фольклора Тульской области претерпевал изменения и с течением времени стал менее разнообразен. Например, календарный и обрядовый фольклор – самый древний вид фольклора – окончательно сформировался к X веку и сохранился в местах наиболее древних поселений, таких как Дедославль, Дубок-на-Дону, Новосиль, Белёв, но в настоящее время представлен достаточно скудно. В нашем исследовании он в основном отмечен образцами святочной обрядности – подблюдными песнями «Я по чашке хлыщу». Песни свадебного обряда, представленные в исследовании, – это песни девичника: «Ты кукушка – рябушка», «Да в воскресный день рано», «Ох, Марьяна мать мела сени». Они, как и свойственно обрядовой лирике, изобилуют различными символами. Так, для песен, адресованных невесте-сироте, характерна замена семейного статуса девушки на женскую символику – *кукушка* – устойчивый символ одинокой горюющей девушки или женщины: *Ты кукушка-рябушка, /ты кукушка-рибушка, /что лежишь(и) не кукуешь?* В этом примере упоминаются предметные символы – «тёмная темница» – могила: *В тебе матушки нету, <...> В тебе батюшки нету, <...> Хатя есть да далёка – у тёмной темнице.*

Среди песен раннего происхождения (до XIV в.) в нашем исследовании представлены игровой хоровод «Собирайтесь, девки, бабы миром колышки вострить» и хороводные песни «Я по бережку похаживала», «Да зашли тучи». Как жанр они сформировались сначала в рамках весенне-летнего обряда, а затем как самостоятельный пласт. Для этих образцов характерны такие жанрово-стилистические выразительные средства, как пейзаж настроения («*Да зашли тучи тёмная, да пошли дажди сильная*»), использование символики состояния и действия («*Ой, я по бережку похаживала, ой, чернобыль-трауку заламливали*» – в данном случае «чернобыль-травка» – устойчивый символ грусти).

В работе также представлены образцы поздней городской лирики (конец XIX – XX вв.), среди них – баллады: «В лес девчата за грибами» (автор М.Ожегов), «До семнадцати лет не гуляла», «Колосилась в поле рожь густая», «На горе высокой два креста стоят», пример тюремной лирики «Развяжите мои крылья», а также песня-переделка известной авторской песни «Коробейники» – «Чернобровый парень летом на завалинке сидел» (для неё характерно исполнение нового поэтического текста на незначительно изменённый напев). Все эти песни объединяют

типичные сюжеты о несчастной судьбе героя и обязательно трагическая развязка. В музыкальной фольклористике такие примеры принято относить к фольклору городского дна и мещанства.

После краткой жанрово-стилистической характеристики остановимся на рассмотрении языковых особенностей. Безусловный интерес представляет анализ диалектных явлений в текстах песен, записанных на территории Тульского края, но входящих (по современному диалектному членению) в курско-орловские говоры. О своеобразии отражения региональных языковых черт в произведениях фольклора исследователи писали и на протяжении XIX в., и в XX в. Мы в этом смысле полностью поддерживаем точку зрения С.П. Праведникова, одного из представителей Курской школы лингвофольклористики, в работах которого подчеркивается, что фольклор способен репрезентировать особенности диалектной речи, имеет региональную языковую специфику. Свои размышления С.П. Праведников строит на основе анализа большого объема материала, «мегатекста». По его мнению, именно мегатекст способен довольно точно отражать разнообразные диалектные особенности [Праведников, с. 51]. Мы абсолютно согласны с исследователем, так как, действительно, для рассмотрения своеобразия тех или иных диалектных особенностей в фольклорных произведениях необходимым условием является определенное единообразие большой совокупности текстов, выбранных для анализа. Именно поэтому мы в своем исследовании обращаемся к совокупности текстов песенного фольклора, зафиксированных в наше время (в начале XXI в.) на территории Тульской области, в Белевском районе. О жанровой специфике проанализированных текстов, об особенностях фиксации данных фольклорных произведений мы писали выше. Можно, по нашему мнению, считать, что сделанная нами выборка представляет своего рода песенный фольклорный мегатекст.

Южнорусские говоры характеризуются целым комплексом фонетических особенностей, которые находят свое отражение в песенном фольклоре. Непоследовательное отражение получают в произведениях фольклора особенности ударного вокализма. В современных говорах не очень часто можно отмечать реализацию фонемы <ê> звуком [и], однако с этим явлением встречаемся в песенном фольклоре (оговоримся: в приведенных примерах нами используется орфографическая запись звучащей речи и частичная транскрипция): *Мальчишка дивчонку ууаваривал:/ «Паи'дим, дивчонка, в Луган-город жить./ Паи'дим, девчонка, в Луган-город жить./ Луган-город славный при лужке стоит».*

В данном случае в слове *пое'дем* наблюдается исконная фонема <ê>, которая реализуется звуком [и].

Безусловно, очень важной фонетической диалектной чертой является тип вокализма после твердых и мягких согласных. На территории курско-орловских и тульских говоров представлено аканье (диссимилятивное и недиссимилятивное), яканье (диссимилятивное и умеренное). Следует отметить, что аканье и яканье на рассматриваемой территории могут наблюдаться и в заударной позиции. Помимо этих типов вокализ-

ма может встречаться сильное иканье. Эти признаки отражены с определенной степенью повторяемости в песенных текстах: *Чирнобро'вай паринь летом/ На завалинке сидел./ Чирнобро'вай парень летом/ На завалинке сидел.* Заударное аканье представлено, например, в следующих фразах: *А как на эту на рублёвочку/ ленту а'лаю куплю./ Как на эту на рублёвочку/ ленту а'лаю куплю.* Яканье находит свое отражение, например, в следующих строках: *Ва пучочки везала./ Ва пучочки вязала, / Вязала, вязала, вязала, эх! / Чубарики-чубчики, вязала!* Еще один пример с яканьем: *Адна'жды мне приснился чуде'снай мне сон,/ Што ми'лай мой жани'лся, нарушил клятьбу он./ Што ми'лай мой жани'лся, нарушил клятьбу он.*

К последовательно проявляющимся южнорусским фонетическим чертам относится и наличие звука [γ] на месте [г]: *Я по чашки хльицу и Христа ищу./ Кому сбудется – не минуется./ За речкой мужики боуаты,/ уребуть золыто лопатами.* Еще примеры: *Сад-γарот γородить,/ Хрен-капусту садить, эх!*

К фонетическим особенностям можно также отнести наличие [у] и [ў] вместо [в]. Хотя отметим, что в фольклорных произведениях можно наблюдать и обратную замену: [в] вместо [у]. Правда, на наш взгляд, такая замена возможна в определенных морфемах, грамматических формах: например, в приставках, в предлогах, поэтому факт наличия [в] вместо [у] можно отнести в ряде случаев не только к фонетическим, но и к грамматическим чертам: *А как за эту ленту ленту алаю / Деуку красную полюблю.* Еще пример: *Моуила отвечала: «Здест нет никаво»./ Еще паутаряла: «Пора забыть его».* В приставке: *А если ты не разовьёшься,/ Своей судьбы не визнаю я./ Если ты не разовьёшься,/ Своей судьбы не визнаю я.* В предлоге: *Пакукуй хоть немношка,/ Пакукуй хоть немношка, / В тебе батюшки нету./ В тебе батюшки нету...*

Для южнорусских говоров характерно наличие протетического [в] в позиции начала слова: *Собираетяси, девки-бабы, / Миром колушки вострить, эх!*

Начальные гласные при сильном ударном центре могут редуцироваться в позиции начала слова до нуля звука: *В лес дивчата, за урибами уурьбой собрались,/ Не дойдя до [тушки леса, все поразбредлись,/ Не дойдя до [тушки леса, все поразбредлись.* Еще пример: *Миром колушки вострит(и), / Сад-[γарод(ы) γородить, эх!*

Таким образом, в песенном фольклоре Белёвского района отражаются основные южнорусские фонетические черты: аканье, яканье, иканье, произношение [γ], [у] вместо [в], редукция до нуля звука в начале слова.

Довольно отчетливо проявляются и грамматические южнорусские черты. Например, в песнях отмечается разрушение категории среднего рода существительных и совпадение с формами женского рода: *С табои, мил, щастья улителя,/ Ох, не варотится назад.*

К отличительным грамматическим признакам южнорусского наречия можно отнести и конечный мягкий согласный [т'] в окончаниях

глаголов 3-го лица: *Паидим, девчонка, в Луган-город жить, / Луган-город славный при лужке стоить*. Еще пример: *Я по чашки хлыщу, я Христа ищу, / Кому сбудется – не минуется, / Ох, бур-бурчит, из порток торчить, / Кому сбудется – не минуется*.

В южнорусских говорах форма личных и возвратного местоимений употребляется с окончанием **-е** вместо литературного окончания **-я**: *Адна'жды мне приснился чуде'снай мине сон, / Што ми'лай мой жани'лся, нарушил клятьбу он, / Што ми'лай мой жани'лся, нарушил клятьбу он*. Эта черта последовательно встречается в различных текстах: *А вил верёвочку крутую, / Про сибе он песню пел*.

Гласный в возвратной частице **-ся** в целом ряде случаев не редуцируется: *Да пашли деуки, / Пашли деуки в лес на ягады гулять, / По смародину... / Да усе деуки, / Усе деуки понабралися*. В качестве постпозитивной частицы в возвратных глаголах может использоваться и частица **-си**: *Собираетяси, девки-бабы, / Миром колушки вострить, эх!*

Отмечается наличие в диалектной речи форм имперфекта: *Ой, я по бережку похаживалы, / Ой, чернобыль-трауку заламливалы, / Ой, чернобыль-трауку заламливалы, / Ой, уся серыва зауанивала*.

По нашему мнению, отличительной чертой диалектной речи может служить и наличие в ней полипрефиксальных глаголов, они же отмечаются и в песенных текстах: *В лес дивчата, за урибами уурьбой собрались, / Не дойдя до [пушки леса, все поразбредлись, / Не дойдя до [пушки леса, все поразбредлись*. Еще пример: *Да усе деуки, / Усе деуки понабралися*.

К отличительным чертам южнорусских говоров можно отнести совпадение личных окончаний глаголов I и II спряжений, наличие у глаголов II спряжения в 3-м лице мн. числа окончания I спряжения: *Они ходют, собирают, топчут там траву, / А по лесу раздаётся весила: «АУ!»*. / *А по лесу раздаётся весила: «АУ!»*.

Одной из ярких грамматических черт является наличие в деепричастиях суффикса **-миш-**: *Подаёммиш я кароу, / Малачко цедила, / Праце-дёммиш малачко, / Я детей паила*.

Таким образом, среди диалектных грамматических черт в песенном фольклоре, записанном в Белёвском районе, нами отмечаются следующие: разрушение категории среднего рода, конечный мягкий [т'] в 3-м лице глаголов, формы личных и возвратного местоимений с окончанием **-е**, продуктивные формы имперфекта, полипрефиксальные глаголы, деепричастия на **-миш-**.

Остановимся на лексических особенностях песен Тульского края. Среди проанализированной нами части фольклорного мегатекста встречаются грамматико-фонетические диалектизмы, к которым, к примеру, относится употребление формы глагола *идти* в прошедшем времени с начальным звуком [и]: *Пад даской дубовой два дружка лежат(и), / Мимо и...ишла вдовушка, слезно плакыла, / Мимо ишла вдовушка, слезно плакыла, / Ох(ы), со слезами уорьками распрашивала*.

Встречаются и лексико-словообразовательные диалектизмы: *Адна'жды мне приснился чуде'снай мне сон,/ Што ми'лай мой жани'лся, нарушил **клятьбу** он./ Што ми'лай мой жани'лся, нарушил **клятьбу** он.*

В приведенном выше отрывке слово *кля'тьба* можно отнести к словообразовательным диалектизмам, так как оно отличается составом морфем от слов литературного языка. В «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) находим такое толкование: «Клятьба... 1 Клятва.... Новг., Тамб. 1852 Ворон., Курск., Зап.-Брян., Орл., Калуж., Ряз...» [СРНГ 13, с. 337].

Остановимся еще на одном употреблении: лексема *круто'й* в нижеуказанном отрывке имеет значение «Сильно скрученный, туго свитый, жесткий (о пряже, веревке и т. п.)... Новг., Ряз., Солигал. Костром.» [СРНГ 15, с. 331]: *А вил верёвочку **крутую**,/ Про сибе он песню пел./ Вил верёвочку **крутую**,/ Про сибе он песню пел.*

Остановимся на использовании лексемы *толка'ч*. На первый взгляд, можно подумать, что речь идет о насекомом, которое рождено блохой. Однако СРНГ в качестве одного из вариантов значения данного слова указывает следующее: «В загадке: а) *Черная блоха белый толкач родила* (редька). Ворон., Орл. б) *Блоха родила толкача*. Вят.» [СРНГ 44, с. 188]. Загадки, приведенные в СРНГ, почти полностью повторяют фразу песни, следовательно, употребление данного слова в тексте песни надо понимать метафорически, скорее, так же, как загадку: *Я по чашки хльщю и Христа ищю./ Кому сбудется – не минуется./ Под печкой блоха **толкача** родила./ Кому сбудется – не минуется* (к рождению сына).

Некоторое непонимание может вызвать и употребление слова *кур'ья* в следующем отрывке: *Я по чашки хльщю и Христа ищю./ Кому сбудется – не минуется./ На лавке **кур'ья**, ни сдёрнишь никак./ Кому сбудется – не минуется* (не выйдет замуж). По данным СРНГ, слово *кур'ья* многозначное, но именно в такой форме оно связано с выражением ландшафтной семантики. Вполне может быть, что в приведенном выше тексте имеется в виду курица или даже несколько кур (форма – *кур'ё*), однако в СРНГ близкая форма – *кур'ьи'* – имеет следующие значения: «*Кур'ьи*... 1. Грыжа. Пек., Осташк. Твер. 2. О больном грыжей человеке. Пек., Осташк. Твер. 3. Часть тела человека ниже спины, зад. *У тебя, в кур'ю. Эх кур'ю-то оттянула*. Вят. 4. Выпяченный живот (преимущественно о беременных). Вят.» [СРНГ 16, с. 152]. Примеры, приведенные в данной словарной статье, позволяют думать, что все-таки начальной формой может быть именно форма *кур'ья'*, а не *кур'ьи'*. Это дает возможность предположить, что в тексте имеется в виду не курица, а человек (или зад человека), который он не может поднять (или сам подняться) с лавки.

Лексема *кудреват'ый* может употребляться не только в значении 'кудрявый', но и в качестве субстантива. Об этом свидетельствует СРНГ: «*Кудреватый*... в знач. *сущ.* То же, что *кудреван*... Смол., Пошех. Яросл. *Бел-кудреватый. Не ходи, бел-кудреватый, Мимо моей хаты*. Южн.-Сиб.,

Сиб.» [СРНГ 16, с. 13]: *Да к ней падступался./ Да к ней па...адступался / **Белай, кудре... кудреватай.***

Лексические особенности в песнях, записанных на территории Белёвского района Тульской области, довольно разнообразны и представлены несколькими типами: лексико-словообразовательными, семантическими, словарными.

В целом можно отметить, что песенный фольклор пограничных с тульскими говорами территорий представляется замечательным собранием фактов, которые ценны как примеры еще не исследованных культурно-исторических текстов, так и как замечательные образцы, имеющие целый комплекс южнорусских диалектных особенностей.

На наш взгляд, тексты песенного фольклора вполне возможно рассматривать в синхронно-диахронном аспекте, в аспекте диалектной типологии отдельной группы говоров. Естественно, что приведенные выше результаты анализа песенных текстов подтверждают нашу мысль о том, что фольклор сохраняет в себе ярко выраженные южнорусские диалектные черты.

Литература

Красовская Н.А. Составление Словаря тульских говоров: основные проблемы // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия «Филология». Вып. 1 (41). М., 2015.

Праведников С.П. Основы фольклорной диалектологии. Курск, 2010.

Словарь русских народных говоров. Вып. 13. М.; Л. (СПб.), 1977.

Словарь русских народных говоров. Вып. 15. М.; Л. (СПб.), 1979.

Словарь русских народных говоров. Вып. 16. М.; Л. (СПб.), 1980.

Словарь русских народных говоров. Вып. 44. М.; Л. (СПб.), 2011.

References

Krasovskaya N.A. Sostavlenie Slovarya tul'skikh govorov: osnovnye problemy. // Vestn. Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya «Filologiya». Vyp. 1 (41). M., 2015. S. 71-82.

Pravednikov S.P. Osnovy fol'klornoi dialektologii. Kursk, 2010. 231 s.

Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 13. M.; L. (SPb.), 1977. 358 s.

Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 15. M.; L. (SPb.), 1979. 399 s.

Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 16. M.; L. (SPb.), 1980. 376 s.

Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 44. M.; L. (SPb.), 2011. 350 s.

Krasovskaya N.A., Bortuleva Y.A. (Tula, Russian Federation)

Tula song folklore: genre-stylistic and dialectic peculiarities

The article analyzes the works of Tula folklore recorded in the western part of the Tula region, in terms of genre, stylistic and linguistic features. The relevance of the study is related to the fact that Tula folk songs has not been studied, linguistic features of the works are not subjected to serious analysis. The article describes the features of the genre of songs recorded in Belevsky district of Tula region, including the ancient fortunetelling

chants, wedding ceremony songs, romantic ballads etc., it is cited numerous examples in the lyrics that reflect the dialectal features of the phonetic, grammatical, lexical levels. According to the authors, a modern folk song genre retains its diversity and is a kind of storeroom containing priceless linguistic wealth. The analysis allows to draw conclusions about the presence and well-preserved in the recorded music of South Russian dialect phonetic and grammatical features. So far, there is no established typology of Tula dialects, therefore, according to the authors, the fixation of folklore in the territories bordering on Tula dialects, is very important and interesting for further descriptive and comparative work on identifying the eastern and south-south-west differences in Tula dialects.

Key words: *folklore, song, Tula dialects, dialectal features.*

Krasovskaya Nelli Alexandrovna – Ph. D. of philology, professor of Russian language and literature dpt. Russian philology and document study faculty. Tula State Pedagogic University of L.N. Tolstoy. Phone: 8-960-593-03-05, e-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru

Bortuleva Yulia Anatolievna – lecturer. Solo and chorus folklore singing dpt. Tula college of arts. Phone: 8-909-260-44-45, e-mail: bortuleva@bk.ru